

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

К 100-летию
со дня
рождения

С. М. Городецкого

Исполнилось сто лет со дня рождения русского советского поэта С. М. Городецкого (1884—1967). На литературное поприще Сергей Городецкий вступил в начале двадцатого века. До революции он выпустил немало поэтических книг: «Ярь», «Перун», «Русь», «Диная воля» и другие. Октябрьская революция внесла новые темы в творчество поэта. Сергей Городецкий принял активное участие в строительстве социалистической культуры. Он создает циклы стихов о советской жизни, обращается к историческому прошлому России, пишет прозаические произведения, критические статьи, литературные портреты, стихи для детей. В 1974 году в Большой серии «Библиотеки поэта» издано собрание стихотворений и поэм С. Городецкого. Много сделал С. Городецкий как переводчик классиков славянской лирики, произведений поэтов Кавказа. За блестящие переводы болгарских поэтов он был награжден болгарским правительством орденом Кирилла и Мефодия. Много работал поэт в области оперной драматургии, где высшим его достижением явился новый текст оперы Глинки «Иван Сусанин», преподавал в Литературном институте имени А. М. Горького. «Литературная Россия», отмечая вековой юбилей Сергея Городецкого, печатает два ранее не публиковавшихся его стихотворения, написанных в 1945 году, фрагменты его воспоминаний о А. Блоке и С. Есенине и статьи «Пути русской музыки», написанной им в 1918 году к десятилетию со дня смерти Н. А. Римского-Корсакова.

О ЕСЕНИНЕ

...Осенью 1914 года Есенин появляется в Питере. В автобиографии говорит он об этом коротко: «19 лет попал в Петербург проездом в Ревель. Зашел к Блоку. Блок свел с Городецким. Городецкий с Клюевым. Стихи мои произвели большое впечатление».

...Стихи он принес завязанными в деревенский платок. С первых же строк мне было ясно, какая радость пришла в русскую поэзию. Начался какой-то праздник песни. Мы целовались, и Сергунька опять читал стихи. Но не меньше, чем прочесть стихи, он торопился спеть рязанские «побаски, канавушки и страдания». Тут восторги удвоились. Тут же мне Есенин сказал, что, только прочитав мою «Ярь», он узнал, что можно так писать стихи, что и он поэт, что наш общий тогда язык и образность — уже литературное искусство. Застенчивая, счастливая улыбка не сходила с его лица. Он был очарователен со своим звонким тогда, озорным голосом, в барашком вьющихся льняных волосах, — которые он позже будет с таким остервенением заглаживать под цилиндр, — си-неглазый.

...Я застал однажды Есенина на полу, над рассыпью мелких записок. Не вставая с пола, он стал мне объяснять свою идею о «машине образов». На каждой бумажке было написано какое-нибудь слово — название предмета, птицы или качества. Он наугад брал в горсть записки, подкидывал их и потом хватал первые попавшиеся. Иногда получались яркие двух- и трех-степенные имажинистские сочетания образов. Я отнесся скептически к этой идее, но Есенин тогда очень верил в возможность такой машины.

...Из всех бесед, которые у меня были с ним в то время, из настоячивых напоминаний — «прочитай «Ключи Марии» — у меня сложилось твердое мнение, что эту книгу он любил и считал для себя важной. Такой она и останется в литературном на-

следствие Есенина. Она далась ему не без труда. Так как все, что мне он тогда говорил о себе и своей поэзии, было в плане этой книги, нетрудно восстановить основной ход его мысли.

...В рамках лирического стихотворения ему было уже тесно. Лирика разрешается или в театр или в эпос. Есенин брал и тот, и другой путь. Опыт выхода в театр он проделал в «Пугачеве».

На этой книге не написано, что это драма или поэма в диалоге. Вернее всего, Есенин не до конца продумал форму, когда писал «Пугачева». Но я помню, как он увлекался им. Много раз я слышал его великолепную декламацию отрывков из драмы. С широкими жестами, испуганным шепотом — «Вы с ума сошли, вы с ума сошли...». Особенно он любил читать конец.

Сергей ГОРОДЕЦКИЙ

Вот ворвался вешний воздух
В мой осиротелый дом.
Взору — радость,
сердцу — отдых.
Но зачем мы не вдвоем?

Скалы чьи нам путь
застлали?
В чем причина, чья вина,
Что мы губ не сцеловали,
Душ не сплести до дна?

1945-IV-30

Есть ли звук для тебя
и цвет,
Соловьи, васильки на меже?
Или нашей земли красота
Для тебя недоступна уже?

Может быть,
ты в иной красоте?
В волнах,
нашего света быстрей?
Все равно,
в нераздельной мечте
Я в твоей красоте,
ты — в моей.

1945-VII-2

О БЛОКЕ

...Тревожный, ищущий, обворожительно кроткий, встретил Блок пятый год. Помню, как Любовь Дмитриевна с гордостью сказала мне: «Саша нес красное знамя» — в одной из первых демонстраций рабочих. Помню, как значительно читал он стихотворение, только что написанное, где говорится о рыцаре на крыше Зимнего дворца, склонившем свой меч. Бродили в нем большие замыслы... Он говорил, что пишет поэму, — написал только отрывок о кораблях, вошедший в «Нечаянную Радость». Но гибель революции пятого года и связанный с ней расцвет мистического болота не дали всем этим исканиям развернуться в полноценную песню.

...Театр сильно увлек Блока. Первому представлению «Балаганчика» — 31 декабря 1906 года — предшествовал целый ряд чтений пьесы — у Блока и Вячеслава. Пьеса заколдовывала внимание. Это, пожалуй, единственная пьеса русской романтики со всеми ее неперенными чертами: ироническим реализмом и мистической мечтой. Тема ар-

лекинады целиком вышла из предвзвешенных стихов Блока. Арлекинада — любимый лейтмотив Блока... Вокруг «Балаганчика» сразу создалась борьба защитников и возражателей. Последние много нападали на структуру пьесы, построенной как лирическое стихотворение. Театр Мейерхольда как нельзя лучше осуществил трудные задания автора.

...Все, о чем я сейчас пишу, — и статьи, и пьесы, и поэма давались Блоку с большим трудом. Работать он умел и любил. Знал высшее счастье свободного и совершенного творчества. «Снежную Маску», «Двенадцать» и многие циклы писал он чуть не в одну ночь. Но на пьесы и поэму он тратил огромные силы.

...У него все-таки хватило силы противостоять шовинистическому угару, охватившему русское общество в 1914 году. «Урал» прозвучало для него как «пора!». Он не любил рассказывать о кратковременном своем пребывании на фронте. Он держался в стороне от военного шума, захлестнувшего и литературу, многие представители которой в 15 и 16 гг. щеголяли в блестящих мундирах и ловили «Георгиев». В это время он написал «Соловьиный сад»... В последний раз ожил Блок юности, деревенского труда, веселья. Первое, что он мне сказал, когда мы обнялись летом 20-го года после долгой разлуки, — это то, что колет и таскает дрова и каждый день купается в Пряжке. Он был загорелый, красный, похожий на финна. Про дрова сказал не с дамски-интеллигентской кокетливостью, как все, а как здоровяк. Глаза у него были упорно-веселые — те глаза, которые создали трагическую гримасу, связавшись с морщинами страдания на последнем его портрете.

Обложка сборника С. Городецкого «Русь».